

*А. Чайковский (Київ)*

## **ПОДГОТОВКА В СССР К ПАРТИЗАНСКОЙ БОРЬБЕ (20–30-е годы XX ст.)**

Как одна из форм вооруженной борьбы, партизанское движение имеет глубокие исторические корни. Практика войн и военного искусства знает немало примеров, когда уже в древние времена противоборствующие стороны применяли приемы, получившие в ретроспективе название партизанских. Шло время, совершенствовались вооружение, стратегия и тактика ведения боевых действий. Качественным изменениям подверглись и составные партизанского движения, прежде всего, главная особенность: в большинстве случаев, определяющей его частью стали иррегулярные формирования, проще говоря, широкие народные массы, ведущие вооруженную борьбу на территории, занятой врагом или контролируемой реакционным режимом. Проявляясь в действиях различного вида отрядов, групп и т. д., последняя становится основной формой партизанских действий. Важную роль, особенно в XX ст., стали играть пропаганда и агитация, направленные на подрыв политических, военных и экономических мероприятий оккупационных властей, а также морального духа войск противника. Немаловажным фактором усиления сопротивления партизан становится и помощь им местного населения.

Партизанское движение обладает многими общими чертами с боевыми действиями регулярных войск. Но ему присущ и целый ряд специфических особенностей. Партизанский фронт, по сути, не имеет тыла и флангов. Жизнь и боевая деятельность всех его участников протекает в условиях окружения врага, при постоянной угрозе внезапной атаки. Возникают у партизан и серьезные проблемы в вопросах материально-технического обеспечения, вооружения и снаряжения, лечения раненых и больных, содержания военнопленных и т. д. В отличие от регулярных войск, в партизанских формированиях отсутствует и единая структурная организация. В каждом конкретном случае ее определяют объективные и субъективные факторы: природные условия и особенности дислокации партизанских сил; наличие командных кадров и военных специалистов, устойчивой радиосвязи с зафронтовым тылом; возможности последнего оказывать необходимую помощь; специфика боевых задач; мероприятия оккупационных властей; состояние и возможности войск противника и т. д.

Отличается и боевая тактика партизанских формирований. Серьезные различия, в сравнении с армией, в вооружении, военно-техническом снаряжении, вынуждают партизан отказываться от затяжных оборонительных и наступательных боев. Как правило, действуют они ночью, при сопутствующих погодных условиях, широко применяя маневр, засады, а также налеты, с нанесением внезапных и стремительных ударов. Важное место в их боевой жизни занимают диверсии, террористические акции по отношению представителей оккупационных властей и военнослужащих противника, ведение разведки и контрразведки. Последние осуществляются как в собственных целях, так и в интересах армии.

Тем самым, с одной стороны, в те или иные исторические периоды функции и задачи партизан определялись конкретными реалиями и условиями, с другой, в их ходе, накапливался и совершенствовался боевой опыт, оттачивалась и совершенствовалась тактика и, как следствие, геометрически возрастали размеры нанесенного неприятелю ущерба. К началу XX в. обозначилась и

общая тенденция в применении партизанских сил: решающее значение в достижении успеха имели небольшие, хорошо обученные и вооруженные группы и отряды, а в городах и крупных населенных пунктах — подпольные организации. Главным залогом их успешной деятельности стало: маневренность, внезапность, решительность, дерзость и конспиративность.

Отечественный исторический опыт партизанского движения свидетельствует: уже в период монголо-татарского нашествия (XIII–XV в.), используя методы партизанской борьбы, славянские народы достаточно успешно оказывали сопротивление врагу. Не менее наглядно данный факт нашел подтверждение в начале XVII в., в ходе противостояния польским и шведским интервентам. В XVI–XVIII в. заметный след в истории, с точки зрения применения различных форм «малой войны», оставили украинские казаки. «Запорожцы храбрые и предприимчивые люди, — отмечал в свое время посол немецкого цесаря Рудольфа Эрих Лясотта, — которые с детских лет совершенствуются в военном деле и прекрасно изучили врага — турок и татар... Они имеют собственные пушки и используют их с таким мастерством, что излишне отдельно нанимать и оплачивать пушкарей, как это делается в других армиях...»<sup>1</sup>.

Заметной оказалась роль партизан и в русско-французской войне 1812 года. Вооруженное сопротивление неприятелю в его тылу велось в западной и центральной части России, а также в Украине, Белоруссии, Литве. Характерно, что, возможно, впервые в истории войн и военного искусства в этот период наблюдается достаточно тесное взаимодействие регулярной армии и партизанских сил, оказание им, с ее стороны, существенной материально-технической и военной помощи. Оценивая события тех дней, «диверсант XX столетия» Илья Старинов писал: «Её (партизанскую войну — *Авт.*) возглавил умнейший, можно сказать, гениальный человек — Денис Давыдов. Его поступки, мысли, которые он докладывал Кутузову (командующему русской армии. — *Авт.*), и вклад, надо прямо, по совести сказать, в победу над французами в первой Отечественной войне был высок. Потому что партизанская война тогда была организована людьми, которые понимали, что не в отдельных действиях суть партизанской войны. И Давыдов проводил операции, отрезая вражеские войска от источника снабжения. Отрезал их и сравнительно легко координировал свои действия с основными силами»<sup>2</sup>.

Теоретическое осмысление и анализ участия партизанских сил в войнах XVIII — начала XIX веков, позволили Денису Давыдову в 1822 г., к тому времени генерал-лейтенанту русской армии, подготовить труд «Опыт теории партизанского действия». Неоднократно переиздаваясь, в том числе в СССР, он не утратил своего значения и до сих пор. Впервые сформулировав концепцию партизанской войны, автор аргументировано возражал не только тем, кто, впадая в крайности, идеализировал ее значение, но и кто сводил ее результаты к мелким налётам и диверсиям. «И то и другое ложно! — подчёркивал он. — Партизанская война состоит ни в весьма дробных, ни в первостепенных предприятиях, ибо занимается не сожжением одного или двух амбаров, не сорванием пикетов и не нанесением прямых ударов главным силам неприятеля. Она объедает и пересекает все протяжение путей, от тыла противной армии до того пространства земли, которое определено на снабжение ее войсками, пропитанием и зарядами, через что, заграждая течение источника ее сил и существования, она подвергает ее ударам своей армии обессиленную, голодную, обезоруженную и лишенную спасательных уз подчинённости. Вот партизанская война в полном смысле слова!..»<sup>3</sup>.

Переосмыслив теоретическое наследие предшественников, почти полвека спустя последователь Дениса Давыдова генерал-майор Генерального штаба, князь Н. Голицын (1809–1892), попытался сформулировать ряд новых положений

партизанской войны. «Несомненно, — писал он, — что нам, русским, принадлежит честь первого употребления партизанских действий в таких обширных размерах в связи с действиями армии и наибольшего участия в них партизанских отрядов, как по числу, так и по их количеству и, наконец, направления этих действий к прямой истинной цели — на сообщения направления»<sup>4</sup>.

Здесь же, преувеличивая, на наш взгляд, значение и роль партизанских сил, автор отводит несвойственную им роль частей охраны войскового тыла собственной армии, аргументировано обосновывая одновременно, важность, с их участием, осуществления разведки, нарушений коммуникаций врага и т.д. «Наиболее условия успеха партизанские действия, — подчёркивает он, — представляют в собственной земле, потому что главная опора их в сочувствии и содействии народа, без чего действия этого рода более или менее трудно исполнимы»<sup>5</sup>. Существенным фактором масштабного развертывания «малой войны», автор обоснованно считает природные условия и обширность территории, отмечая, что — Россия, в этом случае, имеет преимущества перед другими европейскими государствами.

Возможно, главным постулатом труда стало утверждение: чтобы успешно вести партизанские действия, к ним нужно готовиться живым и печатаным словом, а главное — конкретным делом.

В 1885 г. в свет вышло исследование полковника, впоследствии генерал-лейтенанта Генерального штаба, Ф. Гершельмана «Партизанская война». К этому времени произошли серьезные изменения в вооружении и военнотехническом оснащении армий воюющих сторон, возросли возможности, прежде всего с участием железных дорог, передислокации войск, улучшились средства связи и др. Опираясь на эти и другие факторы, автор ошибочно ставит под сомнение утверждение Дениса Давыдова и князя Голицина о возможности приведения партизанских действий в систему. По его мнению, они могли быть востребованы лишь в частных случаях и в определённых условиях, как, например, это было в войне 1812 года. В то же время обращается внимание на их чувствительность «к ближайшему окружению», подразумевая под этим совокупность слагаемых, могущих оказывать то или иное влияние на ход и исход партизанской войны. Главные из них Гершельман определил: протяженность операционной линии противника и степень надежности его тыла; характер войны (оборонительная или наступательная); характеристика театра военных действий; настроения местного населения; способы снабжения армий и т. д. Характерно, что авторские наблюдения и теоретические выводы нашли подтверждение в ходе Второй мировой войны, и, в частности, в действиях советских партизан.

Заслуживают внимания и мысли о структуре, численности, а также характеристике действий партизанских сил с учётом складывающейся военно-политической обстановки, подчиненности их боевых усилий интересам действующей армии. Подчёркивалось: в том или ином случае последние могут иметь стратегическое значение. Особое место отводится подчинённости партизанских сил. «Ввиду многосложности занятий главнокомандующего... и необходимости его личного участия в деле партизанской войны, в оценке всех полученных сведений, — писал Гершельман, — весьма полезно иметь генерала, который заведовал бы всеми делами партизанской войны, имея непосредственный доклад у главнокомандующего. Все партизанские отряды могут быть ему подчинены»<sup>6</sup>. Данную должность автор предлагал представить командиру специального партизанского корпуса.

Вызывают интерес и размышления об отношении к партизанам местного населения. Его сочувствие и поддержка, по мнению исследователя, могут стать одним из существенных факторов развертывания полноценной борьбы

в тылу неприятеля. Виделись они в двух формах: активной и косвенной. На партизан, в этом случае, возлагались обязанности: боевые действия должны вестись непрерывно; тесно увязываться с усилиями армии. Партизанская война, подчеркивалось в работе, может дать результаты «при обязательном условии постоянного и строгого согласования партизанских операций с главными, при полной гармонии тех и других»<sup>7</sup>.

Сопутствующим, одновременно важным условием успешной «малой войны», Гершельман видел в наличии подготовленных, «преданных буйному партизанскому делу» командиров, а также в состоянии тыла вражеской армии и природных условиях.

В своих выводах, несомненно, автор опирался на размышления немецкого военного теоретика и историка Карла фон Клаузевица, издавшего в 1853 г. свой известный труд «О войне». В СССР он появился под опекой Наркомата обороны в 1937 г., в апогей репрессий. Именно летом того года, накануне суда над маршалом М. Тухачевским и его товарищами по несчастью, в нескольких номерах (с продолжением), газета «Правда» опубликовала работу американского журналиста Р. Роуана «Разведка и контрразведка». С цитатой Сталина ее предварил небольшой комментарий: «Редакция надеется, что этим она в известной мере поможет своим читателям — партийным и непартийным большевикам ознакомиться «с целями и задачами, практикой и техникой вредительско-диверсионной и шпионской работы иностранных разведывательных органов»<sup>8</sup>.

Клаузевиц также был иностранцем. Публикацией его исследования, возможно, давалось понять: начавшиеся против «врагов народа» репрессии, в том числе придерживающихся взглядов партизанства, небеспочвенны. Подтверждением тому — труд представителя «дружественного» государства. Автор же, в XXVI главе «Вооружение народа», отмечал: будучи средством борьбы, по отношению к неприятелю, партизанское сопротивление «направленно на поверхность, подобно процессу испарения в физической природе. Чем больше эта поверхность и чем шире соприкосновение между народными массами и неприятельской армией..., тем сильнее воздействие народной войны. Оно разрушает, как медленно тлеющий огонь, основные устои вражеской армии»<sup>9</sup>. Указывалось также, что наиболее благоприятные условия для развертывания партизанских действий в Европе, с точки зрения размеров территории, можно найти только в России.

Далее Клаузевиц подчеркивал, что «если не гоняться за призраками, то необходимо мыслить народную войну в соединении с войной, которую ведёт постоянная армия, и обе эти войны сложены в одно целое одному охватывающим их планом»<sup>10</sup>. Важными условиями, при которых партизанская война могла бы получить желаемые размах и результативность, определялись:

- 1) она должна вестись внутри страны;
- 2) ее исход не должен быть решен одним сражением;
- 3) театр военных действий должен охватывать значительную территорию;
- 4) характер народа должен благоприятствовать ее развёртыванию.

Что же до природных условий, то поверхность страны должна быть «сильно пересеченной и трудно доступной благодаря горам или лесам и болотам или вследствие характера обработки ее почвы. Численность населения не имеет решающего значения, ибо меньше всего ощущается при этом недостаток в людях»<sup>11</sup>.

События Второй мировой войны засвидетельствовали: кроме указанных, существенное влияние на масштабы партизанских действий оказывают добровольное участие в них широких народных масс, заблаговременная подготовка к ним, материально-техническая помощь из-за линии фронта, прежде всего вооружением и средствами связи.

Первые попытки трансформировать в практику теоретические наработки о партизанской войне наблюдаются в конце XIX ст., в частности, со стороны генерала от инфантерии В. Клембовского (1860–1921). Боевой офицер, видя перспективы и отдавая должное методам партизанской борьбы, в 1894 г. он подготовил работу «Партизанские действия. Опыт руководства». Переработанный и дополненный ее вариант увидел свет вновь в 1919 г., когда автор находился на службе в Красной армии. Завершить исследование не удалось. В 1921 г. Клембовский был репрессирован. Военная наука потеряла одного из наиболее перспективных теоретиков и практиков партизанской войны. Наряду с генералами Брусиловым, Шапошниковым, Карбышевым, он, несомненно, мог бы стать заметной фигурой военного дела XX ст. Как никто другой, Клембовский определил конкретные задачи партизан: получение данных о противнике, нанесение ударов по его коммуникациям и опорных пунктах, помощь частям регулярных войск, попавшим в окружение, развертывание, с участием местного населения, борьбы в тылу врага.

Особое место отводилось знанию устройства тыла неприятеля и, прежде всего, структуры органов управления, наличие, протяженность и расположение важных коммуникаций, объектов и др. Девизом работы, стали слова Дениса Давыдова: «Наглость (партизан — *Авт.*) полезнее нерешительности, называемой трусами благоразумием. Но не довольно того, чтобы как-нибудь нападать и как-нибудь спасаться: долг начальника — рассчитывать свое предприятие таким образом, чтобы выигрыш в случае успеха превышал потерю в случае неудачи»<sup>12</sup>.

Авторские посылки сводились к мысли: широко развернутые, хорошо подготовленные, согласованные и увязанные с общими задачами армии партизанские действия, чрезвычайно опасны для противника, а по боевой результативности и морально-психологическому влиянию на его войска, они могут оказать серьезное влияние на весь ход и исход войны. События 1939–1954 гг. подтвердили их полной мерой.

Применения методов партизанской борьбы на русско-германском фронте в период Первой мировой войны практически не наблюдалось. Клембовский, в частности, писал: «Несмотря на то, что театром войны служила наша территория, население сочувствовало нам, Западный и Юго-Западный фронты были расположены в лесисто-болотистой местности, где партизанам было легко укрыться, партизанской войны не было.

В мирное время Военное Министерство не подумало об ее заблаговременной подготовке, а импровизация ее во время военных действий, опять же не по мысли Ставки, а по предложениям отдельных лиц (автор имеет в виду и себя, в тот период он был помощником начальника штаба русской армии — *Авт.*), не могла дать плодотворных результатов. В течение всей войны был всего лишь один поучительный пример — набег на Невель в ночь с 14 на 15 ноября 1915 года»<sup>13</sup>.

Очевидцы свидетельствуют: в условиях позиционного противостояния, русское командование считало партизанские действия невозможными. Специально созданные отряды получили приказ возвратиться в тыловые части. «Не успев распуститься, — констатировал Клембовский, — партизанская война завяла, несмотря на многочисленные ходатайства»<sup>14</sup>.

Немаловажной причиной последнего стало и то, что в Российской империи война не пользовалась популярностью. Сказывалось и обострение политической ситуации, экономическое обнищание народных масс, другие факторы, среди которых боязнь царского правительства вооружить собственный народ, был не последним.

В период Гражданской войны (1918–1921 годы) использование методов партизанской борьбы достигло невиданных размеров. На просторах бывшей

империи большевики и их непримиримые классовые враги применяли их как никогда широко, а главное результативно.

«Малая война» большой размах получила в Украине, на Дальнем Востоке, в Средней Азии. Достаточно сказать о партизанских формированиях белого движения: дивизии атамана Б. Анненкова, «армии возрождения России» генерала М. Фостикова, кавалерийском отряде С. Булак-Булаховича, партизанском отряде имени генерала от кавалерии графа Келлера и некоторые другие<sup>15</sup>. Заметный след оставила она в Сибири. Именно опыт сибирских партизан был использован и серьезно учитывался в период подготовки к партизанским действиям в конце 20-х начале 30-х гг. XX в. Так, при развертывании учебных центров, а также закладке тайников на западной границе СССР, их деятельность поддавалась тщательному изучению. Среди других эту работу осуществлял и А.К. Спрогис (1904–1980) — в период Второй мировой войны один из организаторов партизанской борьбы в Подмосковье, Белоруссии и Латвии.

В 1919 г. — первой половине 1921 года крестьянские партизанские восстания охватили всю Украину. Калейдоскоп смены власти, разруха, иностранная интервенция и оккупация, диктатура пролетариата, надежды большевиков, что, «спасая государство, крестьянство пойдет на разверстку (отдаст хлеб. — *Авт.*) без вознаграждения», не оправдались. В истории особенно известны «банды батька» Нестора Махно, успешно действовавшие как против Красной, так и против Белой армий. Число участников только в больших отрядах, по официальным данным, насчитывало свыше 100 тыс. чел.<sup>16</sup>. Ситуация выходила из под контроля. С целью подавления восставших, советским правительством был даже образован Внутренний фронт<sup>17</sup>.

Основным видом партизанских сил «полевой командир» Махно определил кавалерию. Умело использовались такие приемы маневренной войны, как стремительность и внезапность атак, поощрялся дух соперничества, лихости и смелости бойцов. «Вся махновская «братия», — писал маршал Советского Союза Семен Буденный (1883–1973), — (в рассматриваемый период командарм 1-й Конной армии), — ездил на отличных лошадях, благодаря чему банды были весьма подвижны и легко уходили от преследования. Частям Красной армии редко удавалось полностью ликвидировать даже застигнутый врасплох бандитский отряд»<sup>18</sup>.

Не оставил без внимания партизанское движение в Украине и Лев Троцкий. Он откликнулся статьями «Украинские уроки» и «Махновщина». «В период восходящей гражданской войны, — писал он, — партизанство одухотворено идеей разрушения ненавистного классового государства. Но когда власть уже перешла к рабочему классу, партизанство с его отрядной самостоятельностью становится безыдейным и «реакционным»<sup>19</sup>. В политической оценке деятельности «батьки» и его «банд», Троцкий подчеркивал: «Армия Махно — худший вид партизанщины, хотя в ней немало есть хороших рядовых бойцов. Никакого намека на порядок и дисциплину в этой «армии» не найти... Сражается эта «армия» тоже по вдохновению, никаких приказов она не выполняет... Вина за это целиком падает на бестолковых и беспутных анархических командиров»<sup>20</sup>.

Придерживаясь предложенной концепции о вреде «партизанщины», создатель Красной армии оперировал данными не только об «исторической миссии» Махно, но и других партизанских выступлений, в частности отрядов Н. Григорьева и А. Антонова, соответственно в Тамбовской и Воронежской губерниях России.

Идеологически — классовое определение партизанских действий, прежде всего, с точки зрения боязни их возможного отчуждения от советской власти и перерождения в бандитизм, революционная фразеология Троцкого, нашли

применение, когда он сам был признан «врагом народа» и назван «иудой». Произошло это в период сворачивания подготовки к «малой войне», а все, что делалось в этом случае, клеймили «партизанщиной». Несомненно, взгляды Льва Троцкого на партизанское движение, в частности, в Украине, накануне гитлеровского вторжения в СССР, сыграли не самую лучшую роль. В ходе же войны, Сталину докладывали, да и он сам заявлял: население оккупированной Украины ушло в «казачки» и находится на службе оккупантов.

С учетом опыта «красного и белого партизанства», а также зарубежных разработок, теория и практика партизанской борьбы получила дальнейшее развитие и совершенствование после окончания Гражданской войны. К научному анализу подталкивали и события в азиатских советских республиках. Развернув борьбу партизанскими методами, исламское движение, получившее название «басмачество», затянулось на десятилетие.

Вышедший в 1924 г. в Харькове труд заместителя начальника разведотдела Украинского военного округа комбрига П. Каратыгина «Партизанство. Начальный опыт тактического исследования», был первой попыткой осмыслить эволюцию партизанских действий в условиях диктатуры пролетариата. «Борьба с тылом (неприятеля *Авт.*) — дело партизан, независимо от их типа, — подчеркивал автор... Не надо удивляться, если в будущем цели операций будут определяться по рубежам тыла и это будет вполне естественным, когда чрезмерное развитие техники придает войне характер состязания тылов через посредство армии фронтов... Партизаны, как разрушители тыла, займут свое должное место в будущих войнах. Борьба эта должна принять организованной характер и иметь полную связь с операциями армии. Партизаны, как самостоятельно действующая сила, является вспомогательным средством борьбы; партизанство же, планомерно организованное, особенно при наличии армии, является уже могучей силой, является частью той же армии, действующей на наивыгоднейших направлениях»<sup>21</sup>.

Только одна эта мысль, даже если она была бы единственной, нашедшая к тому же убедительное подтверждение всем ходом Второй мировой войны, заслуживала на всемирное внимание и поддержку. Но с П. Каратыгиным произошло то же, что и с многими другими. Он подвергся репрессиям, а его теоретические наработки и практические руководства были изъяты и уничтожены. Подобным образом учинили и с работами В. Клембовского, Ф. Гершельмана, М. Дробова, некоторых других. В первые, наиболее тяжелые месяцы советско-германской войны, пытаюсь опереться на теоретические изыскания по действиям партизанскими методами, организаторы «малой войны» вынуждены были обратиться к примитивным инструкциям 1918–1919 гг. В их числе, например, значилась и «Краткая инструкция по борьбе с бандитизмом и кулаческими восстаниями»<sup>22</sup>. Результаты в этом случае общеизвестны.

Труд М. Дробова, одного из ответственных работников Главного разведывательного управления РККА, «Метод войны. Партизанство и диверсии», увидел свет в 1931 году. Автор стремился, с одной стороны, дать возможно полный анализ форм и методов партизанских действий, с другой — осмыслить их теоретически. В случае войны преимущество, по его мнению, должно оказаться на стороне партизанства повстанческого типа (с участием достаточно широкого круга местного населения), ибо оно покрывает партизанство войскового типа (при участии армии).

Не менее важны и следующие утверждения: полное слияние идейного и материального, участие как можно большего количества народных масс, заблаговременная подготовка к партизанским действиям. «Генеральные штабы армии, — подчеркивал автор, — еще в мирное время... помимо общей подготовки своих вооруженных сил к войне: намечают районы действия партизан

по полосам (в тылу противника, на самом театре боевых действий — в приграничной полосе и в тылу у себя) с точной разработкой плана действий в каждом районе по периодам; насаждают там сеть партизанских ячеек со всеми необходимыми для будущей боевой работы органами, обеспечив материальную базу; намечают кадры партизан и распределяют их согласно плана; ведут подготовку намеченного кадра партизан в политическом, организационном и тактически боевом отношении.»<sup>23</sup>.

Опиравшиеся на практику научные взгляды Дробова и Каратыгина, поделаяли, особенно в 20-е годы, многие высшие военачальники, в частности Михаил Фрунзе, один из активных организаторов и участников партизанской борьбы в период гражданской войны. «Второе средство борьбы с техническими преимуществами армии противника, — писал он в статье «Единая военная доктрина и Красная Армия» (1921 г.), — мы видим в подготовке ведения партизанской войны на территории возможных театров военных действий. Если государство уделит этому достаточно серьезное внимание, если подготовка этой «малой войны» будет проводиться систематически и планомерно, то и этим путем можно создать для армии противника такую обстановку, в которой, при всех своих технических преимуществах враг окажется бессильным перед сравнительно плохо вооруженным, но полным инициативы, смелым и решительным противником»<sup>24</sup>. Уже в ранге наркома по военным и морским делам, одновременно председателя Реввоенсовета СССР, он не раз подчеркивал: идея «малой войны» может принести пользу лишь в случае заблаговременной разработки и осуществления всех ее составных, могущих обеспечить ей широкий размах и успех. Решить эту задачу, на его взгляд, должен был Генеральный штаб РККА<sup>25</sup>.

Начиная с этого времени, были предприняты определенные шаги. Полковник Старинов вспоминал: «...Диверсионным делом я начал увлекаться с 1924 года. Выполнял директивы наркома обороны, что наша армия должна быть подготовлена к тому, что если кто из личного состава окажется в тылу противника, то в плен должен не сдаваться, а начинал действовать по-партизански. Эти указания Михаила Васильевича Фрунзе легли в основу всей моей деятельности. К 1932 г. было все подготовлено на случай, если противник вторгнется в наши пределы. В тылу должно было начаться организованное, массовое партизанское движение»<sup>26</sup>.

С 1924 г. по решению ЦК ВКП (б), при участии М. Фрунзе и Ф. Дзержинского (председатель ОГПУ), развернулась широкомасштабная работа по подготовке к «малой войне». Она включала: подготовку пособий по тактике партизанских действий; создание особых партизанских школ; разработка специальной техники и вооружения; закладка тайных баз и складов; формирование боевых групп<sup>27</sup>. В частности, партизанские школы начали работу в Москве, Ленинграде, Украине, Белоруссии, некоторых других местах. Руководителем московской школы стал Кароль Сверчевский, один из участников событий в Испании, впоследствии командующий 2-й армией Войска Польского в период Второй мировой войны. В школе обучались только иностранцы: испанцы, поляки, болгары, китайцы, представители других национальностей. Здесь же учились и руководящие работники Коминтерна.

К 1931 г. в Украине действовало пять учебных заведений: три в Киеве, а также в Харькове и Купянске. Имелись и филиалы, например в Одессе<sup>28</sup>.

Общее руководство деятельностью школами в четырех случаях осуществляло ОГПУ, в остальном — ГРУ РККА. Так, в справке от 25 декабря 1942 г. на оперативного источника (осведомителя) НВКД Украины Никитина находим: «В 1929 г. окончил школу руководителей партизанского движения при ГПУ УССР. На случай войны назначен командиром отряда действий в тылу противника в Шепетовском районе Украины»<sup>29</sup>.



По организационной структуре, направленности обучения, способам конспирации мест нахождения, другим особенностям, партизанские школы и курсы существенно не отличались. Дислоцировались они в городах или в пригородах, в большинстве случаев имели хорошо оснащенные мастерские, лаборатории, тир, полигоны, где в частности, отрабатывались приемы и техника диверсионных действий.

Учебные пункты, как правило, являлись филиалами спецшкол. Обучались в них как отдельные лица (диверсанты, минеры-подрывники, подпольщики, командный состав), так и небольшие (до 15 чел.) диверсионные группы. В первом случае слушатели (мужчины и женщины), имели псевдонимы. В зависимости от направленности обучения, их возраст соответствовал от 18 до 45 лет. Особенно ценились те, кто имел боевой опыт, прежде всего партизанских действий.

В своем большинстве в школах обучались коммунисты и комсомольцы. Для конспирации, под различными предлогами, их «исключали» из партии и комсомола, переводили на работу в приграничные районы, создавали имидж «антисоветчиков» и «ненадежных элементов». Учеба длилась несколько месяцев. При подготовке диверсионно-разведывательных групп, предназначенных для базирования и действий в городах, внимание обращалось на налаживание и поддержание тайной связи и соблюдения конспирации.

С целью маскировки, работа курсов осуществлялась под видом «занятий собаководов» (все приходило с собаками), «семинаров пчеловодов» (в отведенных местах выставлялись ульи), «соревнования рыбаков», сборов «лесоводов» и т. д.<sup>30</sup>

Изучали все, что казалось необходимым: историю партизанского движения; тактику и методы боевых действий; организация, вооружение, тыловое обеспечение партизанских формирований, вопросы разведки и контрразведки, осуществление агитации и пропаганды в войсках противника и в оккупированных районах, формы и методы политической работы среди местного населения и т. д. Со второй половины 20-х годов программа обучения сократилась. Специальная подготовка стала включать минно-подрывное и поджигательное дело; изучение иностранного оружия; применение приемов конспирации и маскировки; воздушно-десантная подготовка; преодоление водных преград, выживание в экстремальных условиях и др. В большинстве случаев эти и другие мероприятия осуществлялись в составе формируемых групп. Параллельно изучались морально-психологические и политические качества слушателей, их дисциплинированность, инициатива, умение найти из создавшегося положения выход, совершенствовалась физическая подготовка и выносливость.

С учётом особенностей и характеристики деятельности будущих партизан, со временем перешли к трехступенчатой системе обучения. Первая ступень (1 год), с использованием заочной формы, включала общую военную и специальную подготовку; вторая (6 месяцев) — обучение командного состава и соответствующих специалистов военного дела. Из числа первых и вторых формировались организаторские, разведывательные и диверсионные группы (численностью до 15 чел.), а также бригады (до 30 чел.). Третья ступень (1–2 месяца), включала специальную доподготовку в составе сформированных подразделений. Данный способ себя оправдал и до начала 30-х годов он стал основным.

Необходимые в условиях вражеского тыла профессии (шофера, машиниста паровоза, оружейника и т. д.), обучающиеся получили без отрыва от производства. Как правило, все они владели двумя, тремя и даже четырьмя специальностями. В результате, группа в составе 10–15 чел., например организаторская, профессиональный потенциал исчисляла 40–50 специальностями: 2–4 радистами-шифровальщиками, 2–4 подрывниками-минерами, шоферами, 1–2 медработниками, переводчиками, электриками, химиками, фотографами, оружейниками и др.

Особые требования предъявлялись к руководящим кадрам. Кроме теоретических и специальных знаний, важное место занимал боевой опыт. В зависимости от подчиненности школ, командный и политический состав формируемых подразделений отбирался из числа сотрудников ОГПУ, рядов Красной армии, пограничных и внутренних войск, представителей партийных, советских и общественных органов и организаций. Средний возраст равнялся 35–45 годам. Людей старших возрастов готовили за индивидуальными программами. В большинстве случаев это были будущие диверсанты, связные, агенты, резиденты, содержатели конспиративных квартир и т.д.<sup>31</sup>

50–70% практических занятий проводилось в ночное время, с выходом в лагерь. Учились устанавливать на «объектах» заводские и саморобные мины, зажигательные снаряды, осуществлять разного вида «диверсии», отрабатывались тактические приемы и способы партизанской борьбы, приобретались знания по топографии, ориентированию на местности и т. д. Важное место отводилось совершенствованию работы радистов. Кроме передачи (приема) шифровки (расшифровки) радиogramм, из имеющихся в свободной продаже деталей, они обязаны были самостоятельно изготовить приемно-передающую радиостанцию<sup>32</sup>.

Обучение заканчивалось сдачей экзаменов и зачетов. Требовались не только глубокие теоретические знания, но и практические навыки. В условиях, максимально приближенных к боевым, строгие комиссии внимательно следили за слаженностью действий, умением и сноровкой, выносливостью, проверяли другие врожденные и приобретенные качества. Проводились и более крупных масштабов тренировки, нередко с привлечением подразделений Красной Армии, пограничных и внутренних войск.

Так, в 1932 г. под Москвой секретные тактические учения были проведены под названием Бронницкие маневры. Кроме «партизанского» десанта под командованием С. Ваупшасова (1899–1976), в них участвовали дивизия особого назначения войск НКВД, Высшая пограничная школа, академии и училища Московского военного округа (МВО) Присутствовали на них К. Ворошилов и С. Буденный. В том же году подобного рода войсковые учения, с участием 500 «партизан» из школ Украинского, Белорусского и Ленинградского ВО, прошли в Ленинградском военном округе. Обмундированные и экипированные соответствующим образом, вооруженные японскими карабинами, учебными гранатами, минами и фугасами, в «тыл противника» «партизаны» проникли наземным путем и с помощью авиации. Им удалось совершить нападения на запланированные объекты, нанести удары по коммуникациям, «подорвать поезд», уничтожить линии связи и т. д. Налеты на штабы частей и соединений оказались безуспешными. Поощрялось не только умение провести диверсии, другие подрывные акции, но и не оставлять следов, более того, направлять противника по ложному пути. Опыт общевойсковых и специальных учений свидетельствовали: для достижения результатов партизанские силы должны быть достаточно крупными, а их действия дерзкими и внезапными. «Малая война» — вестись в тесном взаимодействии с действующей армией и авиацией

Одновременно с процессом подготовки партизанских кадров, в городах и населенных пунктах подбирались конспиративные квартиры, отрабатывались каналы связи, в труднодоступных и неприметных местах закладывались тайные базы и склады с вооружением (в основном трофейным), боеприпасами, минноподрывными средствами, снаряжением и продовольствием.

В частности, для шести партизанских отрядов (около 3 тыс. чел.), в тайниках на территории Белоруссии было спрятано 50 тыс. винтовок, большое количество патронов, гранат, взрывных веществ, различное снаряжение. Подобную работу осуществляли в западных и южных районах Украины. Кроме

винтовок, карабинов, боеприпасов, в складах хранились ручные и станковые пулеметы, гранаты, пишущие машинки, радиостанции и многое другое. Общее количество спрятанного вооружения и материально-технических средств, составляло сотни тонн. Здесь же хранилась специальная литература по вопросам тактики партизанской борьбы, способам диверсий.

Успешно действовали и лаборатории-мастерские, где разрабатывались и изготавливались удобные, в условиях партизанской и подпольной борьбы, мины, фугасы и т.д. Здесь впервые появились «угольные» мины, а также мины замедленного действия (МЗД). Работу осуществляли: НКВД, в лице территориальных и путейно-транспортных органов и Генеральный штаб Красной Армии (шестые отделы и отделения, соединений и частей.) Сотрудничество в разрешении проблем, связанных с использованием «особых форм борьбы», превратилось со временем, в противостояние, которое приобретало уродливые формы. Это также послужило одной из серьезных причин слабости партизанского движения в условиях начавшейся вскоре войны<sup>33</sup>.

К концу 20-х годов подготовка партизанских сил в основном была завершена. В той или иной степени обучение прошли несколько тысяч человек. Только в Украинском военном округе для переброски воздушным путем в тыл противника, в готовности пребывали свыше 80 организаторских и диверсионных групп общей численностью более 600 человек. В ожидании времени «Ч» немало будущих партизан дислоцировалось и в приграничных районах.

Так, кроме двух армейских команд минеров, в полосе Юго-Западной железной дороги из состава пограничных войск и военизированной охраны, задействованными были 60 групп (1400 чел.). Для закладки взрывчатки, в стратегически важных объектах, в готовности находились 180 минных труб, отверстий и камер. Из железнодорожников (стрелочников, обходчиков, дежурных по станциям, машинистов, связистов и др.), оперативники транспортных отделов ОГПУ вербовали агентуру, осведомителей и связных. На случай военных действий каждый из них получал отдельные задания<sup>34</sup>.

Таким образом, в 20-х начале 30-х годов XX ст. деятельность государства по подготовке к партизанским действиям в возможной войне, являлась с одной стороны, составной частью военной доктрины, с другой — имела целенаправленный, продуманный характер. Во всех отношениях это был оправданный, перспективный шаг. На практике разрабатывались, совершенствовались и реализовывались мобилизационные планы по развертыванию и использованию партизанских формирований, успешно действовала система обучения специальных кадров, материально-технического обеспечения, многое другое. Оценивая события тех дней, С. Ваушасов писал: «Работа по заблаговременной подготовке партизанской борьбы отличалась высокой организованностью, содержательностью и глубокой предусмотрительностью. Мои товарищи и я не жалели сил, времени, самих себя для образцового выполнения всех оборонных мероприятий связанных с этой подготовкой, Тем большее недоумение вызывала у нас отмена сделанного ранее... Ошибочность данного решения стала особенно явственной в 1941 г., с началом немецко-фашистской агрессии... Не берусь утверждать, что заранее созданные, хорошо обученные и оснащенные партизанские подразделения смогли бы коренным образом изменить ход войны в нашу пользу. Это, конечно, утопия...

Нет слов, шесть белорусских отрядов не смогли бы своими действиями в тылу врага остановить продвижение мощной немецкой армейской группировки, наступающей на Москву. (Разговор идет о группе армии «Центр» — *Авт.*) — Но замедлить его сумели бы! Уже в первые недели гитлеровского вторжения партизаны и подпольщики парализовали бы коммуникации противника, внесли дезорганизацию в работу его тылов, создали бы второй фронт неприятелю»<sup>35</sup>.

В подтверждение, один пример: Испания, 1937 г., Южный фронт. Положение республиканских войск крайне тяжелое. Невзирая на растянутые коммуникации, непрерывно пополняя войска живой силой, техникой и боеприпасами, фашисты наступают. Особо напряженно работает железнодорожная ветка на Пособлонко. Изменить ситуацию могли лишь крупные диверсии на дороге. Решено было вывести из строя километровой тоннель на участке Пенья-арроя — Кордова.

Задачу попытались выполнить силами роты. Потеряв большинство личного состава, успеха не достигли. Охрану тоннеля фашисты усилили втрое. Командующий фронтом Перес Салес задание возложил на партизан, советником и инструктором у которых был Илья Старинов. Для его решения впервые в боевых условиях применили так называемую схватываемую мину самодельной конструкции, испытанную в 1932 г. в полигонных условиях под Киевом.

Мину установили за 200 метров перед тоннелем. Мощный грузовой состав двойной тяги, подцепив сцепным устройством переднего паровоза поволок ее в тоннель. Сработали воспламенители взрывного устройства. Полетели бутылки с зажигательной смесью. Горящий эшелон скрылся в узкой черной щели, где, в соответствии с расчетом, сработала мина...

Вагоны с боеприпасами и боевой техникой взрывались и горели пять суток. Пожар бушевал, пока все не выгорело. Дорога бездействовала почти 8 дней. Успех был очевиден, тем более, что обеспечили его лишь 9 разведчиков — диверсантов, затратив 20 килограммов тротила и несколько десятков бутылок с «коктейлем Молотова»...<sup>36</sup>

Работа, проделанная в СССР на протяжении почти 10 лет по подготовке к партизанской войне, в середине 30-х годов была не только приостановлена, а уничтожению поддавалось все, что с таким трудом удалось сделать. Репрессиям подверглись практически все участники событий, в том числе руководящие кадры из РККА, НКВД, партийных органов (Я. Берзин, В. Блюхер, А. Егоров, В. Примаков, И. Уборевич, И. Якир, многие другие. Уцелели лишь те, кто был в Испании, в частности, А. Спрогис, С. Ваупшасов, Н. Прокопюк, И. Старинов, а также небольшое число находившихся в тюрьмах, сумевших сохранить не только твердость духа, но и жизнь, как, например Д. Медведев<sup>37</sup>. «В ноябре 1937 года, — вспоминал Илья Старинов, — я возвратился из Испании, где был советником партизанского соединения во главе с Доминго Унгерия. За 10 месяцев с диверсионной группы оно выросло в 14-й партизанский корпус. А на родине я увидел страшную картину: все мои бывшие руководители обвинялись как «враги народа». К сожалению, в 1937–1938 гг. у нас были уничтожены все заблаговременно подготовленные партизанские базы, репрессировано большинство ответственных работников. Из тысячи подготовленных накануне командиров и других специалистов, в живых остались единицы...»<sup>38</sup>.

Не остался без внимания НКВД и Старинов. «В начале февраля 1938 года меня пригласили на Лубянку и предложили написать все о своей работе с Якиром и Берзиным, — рассказывал он спустя 60 лет. Ошеломленный, я вышел из дома на Лубянке и долго не мог опомниться. Что делать? Решил попытаться попасть на прием к Ворошилову, ибо только он мог спасти меня. И не ошибся. Мне повезло узнать его прямой телефон. Я позвонил, рассказал, о том, о чем меня спрашивали, и попросил принять. Встреча состоялась, но маршал держался сурово и неприступно.

«В чем дело, что вы хотели мне сообщить?»

— Товарищ народный комиссар, ведь мы по заданию Центрального Комитета партии вели подготовку к партизанской борьбе, а тайники с оружием создавали за вашим приказом.

Нарком смутился.

— Вы не волнуйтесь...

Немного подумав, поднял телефонную трубку, и я услышал его разговор с Ежовым: «Здравствуйте, Николай Иванович. У меня находится недавно прибывший из Испании некто Старинов. Его допрашивали о выполнении заданий Якира и Берзина по подготовке банд и закладки для них оружия.

Пауза... В трубке слышится неестественно тонкий говорок...

Снова говорит Ворошилов.

Конечно, он выполнял задание врагов народа, но он был маленьким человеком, мог и не знать сути дела.

Опять пауза... И опять говорит маршал:

Но он отличился в Испании, в значительной мере искупил свою вину. Оставьте его в покое, сами примем соответствующие меры...»<sup>39</sup>.

Определенное представление о ситуации, дает и докладная записка А. Спрогиса в адрес непосредственных руководителей после его возвращения из Испании. «Около восьми лет, — писал он, — я занимался подбором людей для партизанских и диверсионных групп, руководил ими и непосредственно участвуя в организации диверсионных актов (находясь в командировке — *Авт.*) На практике я встретился с недооценкой этой работы, неоднократными случаями неодобрительного отношения к ней вышестоящих лиц..., Работа «Д» требует, с моей точки зрения, серьезного улучшения. Говоря о ней, я имею ввиду два учереждения организующих ее, а именно НКВД (до 1937 г. его особый отдел, а потом 3-й отдел) и 6-й отдел Генштаба РККА (Разведуправление)... Мы привыкли, что наш труд ценим. Я не ошибусь, если скажу, что этого нет не только в БССР, но и в Украине и в Ленинграде. Наша работа стала считаться второстепенной. Наши работники используются не по прямому назначению: производство обысков, арест, конвоирование арестованных, дежурства, и т. д. и т. п...

Кроме того, имеется и другой факт, который отразился на нашей деятельности. До 1937 г. систематически из года в год уменьшались средства, отпущенные на работу «Д» Она свертывалась. Не знаю, как обстояло дело в 1937 г., так как я находился в это время за пределами СССР. Ответ здесь прост. Центром утверждено столько-то ..., и все вопросы снимаются.»<sup>40</sup>.

Слова «партизан», «партизанщина» стали синонимами неорганизованности, более того — предательства. Вспомнилось и пришлось ко двору утверждение Льва Троцкого, что партизанство легко выходит из-под контроля, и из инструмента обречения и укрепления власти, может стать прямой угрозой существующему режиму. «Если бы еще 20 июня 1941 года, — отмечал Тимофей Строчак (заместитель наркома внутренних дел Украины, с мая 1942 года начальник УШПД — *Авт.*), — лишь только заикнулся о том, что подпольную борьбу в случае нападения гитлеровской Германии придется вести в Украине, Белоруссии, советских прибалтийских республиках, под Смоленском, того бы назвали паникером, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Наш народ не был морально подготовлен к возможным поражениям на фронте, к возможно тяжелой войне, к возможно нелегкой подпольной подрывной работе в тылу врага...»<sup>41</sup>.

Кто же в канун Второй мировой войны уничтожил советское партизанское движение, а главное почему? Расхожие объяснения следующие: прекращение подготовки к ведению партизанских действий стало возможным потому, что в рассматриваемый период в Красной армии было достаточно командиров и политработников всех уровней, которые в случае необходимости могли организовать переход войск, прежде всего попавших в окружение, к организованному и управляемому партизанским действиям. Этого, как известно, не случилось. Причина, в частности, крылась, в военной доктрине СССР. Опираясь на субъективное восприятие мощи и несокрушимости Красной армии, она

исключала ведение широкомасштабных боевых действий на территории Советского Союза. Учитывая эти обстоятельства, подготовка к партизанской и подпольной борьбе, на взгляд Сталина и его ближайшего окружения, признавалась нецелесообразной, более того вредной. В противовес декларировалась мысль: в случае войны победа над врагом будет достигнута «малой кровью», с минимальными потерями в живой силе и технике. Став мировоззренческим кредом правящей верхушки, правдоподобный миф обманывал народы СССР и сеял среди них иллюзорную убежденность в надежной защищенности страны в случае агрессии. Более того, не вызывая возражений, укрепляемый в сознании широких масс всеми доступными средствами агитации и пропаганды, он находил их самую широкую поддержку.

Наибольшая же опасность таилась в том, что данный тезис ни в коем случае не отражал реального положения дел, а главное не учитывал соотношение сил и возможностей противоборствующих сторон. Не было сделано надлежащих выводов и после советско-финской войны, в ходе которой противник широко, а главное достаточно успешно, использовал тактику и приемы партизанской войны. После войны, бывший начальник Центрального штаба партизанского движения Е. Пономаренко, сокрушался: «Ошибочные и неправильные установки Сталина, что при нападении на нас мы будем воевать только на чужой территории, привели к тому, что вся работа по обобщению опыта партизанской войны в прошлом, по разработке соответствующих мобилизационных документов была свернута. Это усугубило трудности организации партизанского движения в начальный период войны. Партии дорогой ценой пришлось исправлять ошибки, допущенные Сталиным»<sup>42</sup>.

Вторым, не менее важным фактором признания существующего плана «Д» и его выполнение, с точки зрения «отца народов», на практике значило не что иное, как возможность, более того неизбежность, собственно войны и как ее результат — долговременной оккупации значительной части советской территории. Последнее, естественно, входило в противоречие с догмой об уничтожении врага в его же собственном «логове». Но и это не было главной причиной.

Маниакальная подозрительность, порожденная убеждением, что наряду с «армейским заговором», существует законспирированная, хорошо вооруженная, особенно в Украине, подпольно-партизанская сеть «врагов народа», стремящаяся повалить тоталитарный режим, вынудила Сталина положить этому конец. Именно в 1937–1938 гг., а не во второй половине 1939 г., как утверждает, подтасовывая исторические факты В. Резун, автор небезызвестного «Криголама», подготовку к «малой войне» свернули окончательно. Изъятию подлежали не только материально-технические средства борьбы, но физическому уничтожению подверглось большинство участников описываемых событий. Расформировали и спецшколы.

Не востребованной оказалась и теория применения партизанских сил. Победу в случае войны решено было добывать на чужой территории. Абстрагированное от конкретно-исторической обстановки, данное мнение вызывало восхищения и восторг, ибо имело яркий, наступательный и победоносный характер. Однако в действительности реалии оказались далеко не такими, каким их видели даже самые большие пессимисты.

<sup>1</sup> Хрестоматия с истории государства и права Украины. / Авт.-сост.: А. С. Чайковский, А. Л. Копиленко, В. М. Кривonos и др. К., 2003. — С. 94.

<sup>2</sup> Солдат столетия. / Составитель И. И. Комарова. — М., 2004. — С. 39.

<sup>3</sup> Давыдов Д. В. Сочинения. — М., 1962. — С. 451.

<sup>4</sup> Боярский В. И. Партизанская армия: История утерянных возможностей. Мн., М., 2003. — С. 17.

- <sup>5</sup> Там же. — С. 18.
- <sup>6</sup> Там же. — С. 21.
- <sup>7</sup> Там же. — С. 22.
- <sup>8</sup> *Черушев Н. С.* 1937 год: Элдита Красной армии на голгофе. — М., 2003. — С. 259.
- <sup>9</sup> *Клаузевиц К.* О войне. — Т.2. Пер. с немецкого. — Изд. третье. — М., 1937. — С. 194.
- <sup>10</sup> Там же. — С. 194.
- <sup>11</sup> Там же. — С. 195.
- <sup>12</sup> *Боярский В. И.* Партизанская армия: История утерянных возможностей. — Мн., М., 2003. — С. 24.
- <sup>13</sup> Там же. — С. 26.
- <sup>14</sup> Там же.
- <sup>15</sup> *Волков С. В.* Белое движение. Энциклопедия гражданской войны. — СПб., — М., 2003. — С. 397.
- <sup>16</sup> Политический террор и терроризм в Украине. XIX–XX ст Исторические очерки. — К., 2002. — С. 158.
- <sup>17</sup> Там же. — С. 345.
- <sup>18</sup> *Буденный С. М.* Пройденный путь. Военные мемуары. — М. 1973, — С. 163, 164.
- <sup>19</sup> *Боярский В. И.* Указ. соч. — С. 46.
- <sup>20</sup> Там же. — С. 47.
- <sup>21</sup> Там же. — С. 30.
- <sup>22</sup> Российский государственный военный архив (*далее* — РГВИ). — Ф. 25880., оп.1, д. 25, л. 9 об.
- <sup>23</sup> *Боярский В. И.* Указ. соч. — С. 34.
- <sup>24</sup> *Фрунзе М. В.* Избранные произведения. — М., 1977. — С. 43.
- <sup>25</sup> Там же. — С. 22, 23.
- <sup>26</sup> Солдат столетия. — С. 36.
- <sup>27</sup> *Попов А. Ю.* НКВД и партизанское движение. — М., 2003. — С. 31.
- <sup>28</sup> Там же.
- <sup>29</sup> Там же. — С. 34.
- <sup>30</sup> РГВИ. — Ф. 40973, оп. 1, д. 28, л. 34.
- <sup>31</sup> Энциклопедия секретных служб России. / Авт-сост. А.И.Колпакиди. — М., 2003. — С. 230–231.
- <sup>32</sup> *Попов А. Ю.* НКВД и партизанское движение. — М., 2003. — С. 31.
- <sup>33</sup> *Чайковский А. С.* Неизвестная война. (Парт. Движение в Украине 1941–1944 гг. языком документов, глазами историка). — К., 1994. — С. 92, 92.
- <sup>34</sup> Там же. — С. 10.
- <sup>35</sup> *Ваушиасов С. А.* На тревожных перекрестках: Записки чекиста. — 3-е изд. — М., 1998. — С. 220.
- <sup>36</sup> Партизан-разведчик XX столетия профессор И. Г. Старинов. Журнал «КУОС — Вымпел». — М., 2001. — С. 16.
- <sup>37</sup> Партизанское движение (По опыту Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.). — М., 2001. — С. 25; *Попов А. Ю.* Указ. соч. — С. 37.
- <sup>38</sup> *Чайковский А. С.* Указ. соч. — С. 11.
- <sup>39</sup> Солдат столетия. — С. 53; *Чайковский А. С.* Указ. соч. — С. 12.
- <sup>40</sup> *Попов А. Ю.* Указ. соч. — С. 37.
- <sup>41</sup> *Строкач Т. А.* Наш позывной — свобода. — К., 1965. — С. 152.
- <sup>42</sup> *Соколов Б. В.* Оккупация. Правда и мифы. — М., 2002. — С. 38.